

АФФЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Представлена социологическая интерпретация социального порядка, основанная на учете влияния эмоционального фактора и признающая, что эмоции социально структурированы и одновременно сами участвуют в воспроизводстве социальных структур. Современные теории, допускающие анализ эмоциональных компонент, рассматриваются в трех перспективах: взаимосвязь эмоционального и когнитивного, «эмоциональный человек», отношения процедур кодирования и декодирования эмоционального поведения. Теория аффектологии Люка Чомпи приводится для объяснения, каким образом в социальном поведении организованы физиологические и социально-культурные составляющие проявления эмоций. Модель эмоционального человека Хелены Флам используется для описания социальных характеристик участника эмоционально-структурированной интеракции. И наконец, с помощью теорий дифференцированного декодирования показано, каково значение конвенциональных правил нормативного проявления и контекстуальных переменных в процессе интерпретации эмоционального поведения.

The article presents a sociological interpretation of social order, considering the influence of emotional factors and recognizing that emotions are socially structured and at the same time they are themselves involved in the reproduction of social structures. The article discusses modern theories admitting emotional component analysis in three perspectives: cognitive and emotional relationship, "an emotional man", corresponding procedures of encoding and decoding emotional behavior. Luc Ciompi's theory of "affect-logic" explains how the physiological and socio-cultural components of emotional expressions are organized in the social behavior. Helena Flam's model of emotional man is used to describe the social characteristics of the participant of emotionally structured interaction. Finally, theories of differential decoding show the meaning of the normative manifested conventional rules and contextual variables in the interpretation of emotional behavior.

Социальная интеракция представляет собой связующее звено между индивидуальным действием и социальным порядком, независимо от того, придерживаемся мы интерпретативистского или структуралистского подхода. Социология вот уже на протяжении нескольких десятков лет рассматривает эмоции как еще одно измерение социального поведения и дополняет рационалистический облик человека интерпретациями, подчеркивающими значение эмоций. По меньшей мере в англо-американском пространстве очень отчетливый фокус интереса социологов к проблематике эмоций наблюдается с середины 1980-х гг., в Германии – с середины 1990-х гг.

Усиление значения эмоций в современном обществе сопряжено с тенденцией визуализации социальных отношений. В результате чего эмоциональная составляющая активизируется в визуальном знаково-смысловом ряде в повседневности, в интернет-коммуникации, в телевизионной рекламе и в политических текстах. Социологический анализ социальных явлений предполагает изучение их во взаимосвязи когнитивного, поведенческого и эмоционального аспектов.

Мы не будем углубляться в вопросы о соотношении понятий «эмоции» и «аффекты». Речь пойдет о влиянии на социальное поведение и воспроизводство нормативного порядка аффективно-эмоционального структурирующего фактора, предполагающего внутренние и (или) внешние проявления. Во-первых, эмоциональная структура упорядочивает действия и взаимодействия как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. В социальных практиках эмоциональность может реализовываться и в форме эмоционального поведения индивида, и в форме проявления коллективных эмоций в социальных отношениях. Во-вторых, интеракционный порядок во многом основан на интернализированных правилах подачи и понимания невербальной информации.

Эмоции интерпретируются в социологии как формы конструирования социальной действительности (Randall Collins), как результат социальной действительности и социальных связей (Theodore D. Kemper, Thomas J. Scheff), как символический социальный конструкт (Arlie Hochschild, Susan Shott, Louis Zurcher) или как комплексная система (Jonathan H. Turner, Christian von Scheve) [1; 2]. Благодаря подобным теориям в социологии формируется новая модель, модель «социально-эмоционального мира» и «человека эмоционального», открывающая возможность учитывать согласованность физиологических и социально-культурных факторов проявления эмоций в упорядоченных социальных взаимодействиях.

Вызвавшая обсуждение в научном сообществе статья Люка Чомпи (Ciompi Luc) в центр объяснения помещает взаимную зависимость нейробиологической, психической и социальной энергий человека. В основе данной концепции – психо-социо-биологическая модель психики, в которой эмоциям и, соответственно, их нейрофизиологическим коррелятам приписываются функции организации и интегрирования. Чомпи исходит из гипотезы о том, что аффект и интеллект существуют в структуре человеческой психики не отдельно друг от друга, а образуют единство из двух связанных и неотъемлемо дополняющих друг друга функциональных единиц: системы эмоций и когнитивной системы [3; 4; 5]. Аффекты определяются как психофизические состояния или настроения, разные по продолжительности, качеству и близости сознания. При этом признается, что система чувств оперирует малым числом основных аффективных состояний, а бесчисленные ситуативные проявления являются видоизменениями основного аффекта. В характеристике когнитивной системы Чомпи подчеркивает способность преобразовывать сенсорные различия в репрезентации

(образов, фреймов, сценариев и т. п.) [5]. Модель *аффективной логики*, или *аффектологика* (Affektlogik), связывает аффективно-когнитивное содержание и зависимые от контекста программы чувствования, мышления и поведения. В комбинации они образуют высокодифференцированную совокупную аффективно-когнитивную систему. Таким образом, аффектологика обозначает аффективный способ/способы связывания отдельных когнитивных компонентов с операциональным целым [5].

Утверждение о том, что эмоция и когниция, аффективность и логичность взаимосвязаны и постоянно влияют друг на друга, в теории аффектологика обосновывается результатами нейробиологических, психологических и эволюционно-теоретических исследований. Постоянное взаимодействие между обеими системами реализуется в аффективно окрашенных оценках переживаемого когнитивного различия (например, в таких формах, как «опасная/безопасная ситуация», «прекрасная страна», «приятный/неприятный человек»). Эти различия, в свою очередь, закрепляются в памяти вместе со специфической аффективной окраской. В результате, если мы, например, пребываем в состоянии страха или радости, то мир воспринимаем в рамках «логики страха» или «логики радости» соответственно.

Воздействия аффекта на когнитивную систему проявляются в нескольких направлениях и не только в логике повседневности. Во-первых, аффекты являются «мотором» мышления. Они, как подчеркивает Чомпи, придают энергию всей когнитивной динамике (например, радость или ярость в большинстве случаев сопровождаются ускоренным мыслительным процессом, в то время как печаль замедляет мышление). Понимание аффекта как энергии объясняет и внезапные скачкообразные изменения поведения при переходе, например, от «логики любви» к «логике ненависти». Во-вторых, аффекты направляют фокус внимания на соответствующее когнитивное содержание или форму (люди, ситуации, предметы, расположения вещей и т. д.). В-третьих, аффекты активизируют из памяти когнитивное содержание, зависящее от аффекта. И наконец, аффекты выполняют функцию «клея», связывая эмоционально близкие когнитивные содержания с аффективно окрашенной логикой. [5] В свою очередь, когнитивная система развивается только при условии эмоциональной включенности. Отсутствие в опыте достаточного количества переживаний (приобретаемых, например, в процессе детских игр) блокирует интерес к жизни, направляет когнитивные процессы от объектов к созданию внутреннего мира-убежища и приводит к отсутствию внутреннего согласия с миром.

Представленная модель аффектологика имеет значение и для социологии, где она пока никак не рассматривалась. Она может быть применена не только для объяснения нерационального поведения, но и для интерпретации социальной активности и конституированного социального порядка. Теория Чомпи, вероятно, открывает перспективу связывания междисциплинарного знания об эмоциях для объяснения коллективного поведения сквозь призму взаимодействия когнитивной системы и программы чувствования. Такой подход позволил бы ответить на некоторые социологически значимые во-

просы: каким способом влияют эмоции на человеческое мышление, способы коллективного действия и формы социального поведения?

В социологии эмоции рассматриваются в двух перспективах. Интерпретации социального порядка учитывают влияние эмоционального фактора на производство социальной действительности посредством структурирования социальных отношений. И тогда исследовательский интерес обращен к выявлению значения эмоций в процессе формирования структуры социального взаимодействия, поддержания идентичности, их символического посредничества. В то же время социальные контексты и культурные образцы понимания и интерпретации, социально-структурные условия вызывают специфические эмоции в зависимости от ситуации, а действующие и взаимодействующие субъекты контролируют эмоциональные проявления. Таким образом, для социологии характерна концептуализация эмоций как «двустороннего посредника между действием и структурой» [6, s. 16], действием и социальным порядком. Эмоции социально структурируемы, с одной стороны, и производят социальные структуры – с другой.

Относительно вопроса об участии эмоций в производстве и воспроизводстве социального порядка теории рационального выбора объясняют нормативную упорядоченность ограниченно, игнорируя влияние *соматических маркеров* (термин Antonio DAMASIO [7]) и механизмов эмоционального воздействия на принятие решений. Следует признать, что не только индивидуальная польза и социальные ожидания, но и эмоции становятся стимулом действия и взаимодействия. Очевидно, социальный порядок производится и в эмоционально структурируемых взаимодействиях, в процессе коммуникации эмоций, кодирования и декодирования эмоционального выражения. В этой связи рационалистическое объяснение социальной упорядоченности может быть дополнено *моделью эмоционального человека и эмоционально структурируемого действия*.

Человек, вовлеченный в эмоционально окрашенные взаимодействия, обретает определенные типичные черты: знание слов-названий эмоций (эмотивов) и их символического значения, эмоциональную компетентность, эмоциональный интеллект, знание о правилах и границах эмоционального поведения в определенной ситуации. Хелена Флам (Helena Flam) различает две фигуры: «чистого эмоционального человека» (pure emotional man) и «вынужденного эмоционального человека» (constrained emotional man). Первая модель представляет действующего в социальной ситуации как актора несвободного (им овладевают чувства, а потому он постоянно рискует нарушить социальный порядок), некалькулирующего (его эмоции чрезмерны настолько, что он не соотносит последствия и уместный ситуации размер эмоционального выражения), непоследовательного (одновременно проявляет несовместимые, противоречивые эмоции), непостоянного (эмоциональные состояния часто сложно предсказуемы, изменчивы и неустойчивы) [8; 9; 10]. Определительной чертой «вынужденного эмоционального человека» является сильная обусловленность его поведения социальной средой. Хотя его действия в значительной степе-

ни эмоциональны, эта эмоциональность и, следовательно, степень свободы в значительной степени ограничены нормативно. Это социально ориентированный актор, эмоциональное поведение которого контролируемо, калькулируемо, нормативно и не исключает ориентации на пользу. Эта вторая модель, по мнению Флам, в большей степени применима эмпирически и связывает три модели: *emotional man*, *homo economicus* и *homo sociologicus*.

Эмоционально структурированные интеракции могут быть поняты в пространстве переменных, включая модель эмоционального человека, взаимосвязанную систему «аффекты — когниции» и механизмы коммуникации эмоций, реализовываемые в процедурах кодирования и декодирования эмоционального поведения. В этой связи в объяснении социальной упорядоченности необходимо также обратить внимание на выражение эмоций (кодирование) и способность интерпретации (декодирования) эмоционального поведения. Социологический подход к изучению эмоциональной компоненты позволяет измерить отношение «кодирование—декодирование» и выявить, как неявные смыслы из этого отношения формируют модели взаимодействия и социального порядка [11, s. 350]. Выражение эмоций привязано к социально-структурным условиям, и его формы могут быть интернализированы в процессе социализации. Социологические теории признают, что эмоции структурируют социальные интеракции в соответствии с усвоенными правилами их проявления и кодами интерпретации. А результат нормативного влияния может выражаться, например, в формах эмоциональной работы (с целью создания впечатления или действительного переживания ожидаемых эмоций), в частоте участия определенных эмоций или в эмоциональных правилах и фреймах.

Количество различных форм экспрессивного выражения так же ограничено, как и основные эмоции. Очевидно, что интернализированные нормы и правила предписывают определенные способы и формы уместного эмоционального проявления в зависимости от социальной ситуации, конституируют способы изменения универсальных выражений эмоций и с необходимостью контролируют экспрессивное поведение в типичных контекстах. В частности, концепт спиралей Т. Шеффа позволяет рассматривать стыд и гордость как индикаторы состояния социальных связей. Если осуществляется нормативное поведение, возникает гордость, которая выражается на основе предполагаемых положительных оценок поведения другими людьми. В случае нарушения групповых норм отрицательные оценки предвосхищают последствия или по меньшей мере возможные реакции. Проявление чувства стыда, таким образом, сигнализирует об угрозе социальной связи. В то же время выражение эмоций может выходить за рамки установленного образца, реализовываться в большем или меньшем размере, чем того требуют условия ситуации, или симулироваться. Речь идет об эмоциональной некомпетентности, когда проявляется ненормальная эмоциональность, приводящая к неадекватной реакции на происходящее. В социологии этот аспект подробно интерпретируется, например в теориях управления впечатлениями И. Гофмана, эмоциональной работы А. Хохшильд или в модели управления коллектив-

ными эмоциями Т. Шеффа. Эти и многие другие теории подчеркивают, что выражение эмоций в значительной мере зависит от социального контекста.

Развитие данного тезиса в современных концепциях проявляется в отказе от идеи универсальности процедур кодирования и декодирования эмоционального поведения. Социологические, антропологические и социально-психологические подходы ставят в центр объяснения социальные нормы и придерживаются предположения об отсутствии однозначной связи между эмоцией и экспрессией. Процесс распознавания эмоций понимается не как непосредственное и рефлекторное декодирование, а как сложная, многомерная интерпретация всей доступной информации: внешне наблюдаемого поведения и презентуемого образа, контекста, интернализированных знаний и социального опыта.

В теории градуированного дифференцирования экспрессий (J. Haidt, D. Keltner) утверждается, что эмоциональное поведение основано на механизме *градуированного декодирования*. Речь идет о том, что лишь определенные выражения эмоций универсально интерпретируются, а точное определение эмоций проблематично в силу их варьирования. Так, например, досада, отвращение, радость, неожиданность, скорбь, страх или смущение могут быть надежно декодированы в интеркультурном пространстве. И, напротив, стыд, неуважение, сочувствие или удовольствие могут пониматься по-разному [11, s. 354]. Таким образом, данная теория объясняет, как универсально декодируемые эмоции оказывают структурирующее воздействие на социальное взаимодействие, продуцируя культурные отличия декодирования в большинстве ситуаций взаимодействия.

Для интерпретации дифференцированного измерения значения эмоционального поведения значительно лучше приспособленной оказывается *концепция минимальной универсальности* (J. M. Carroll, J. A. Russell, J. M. Fernandez-Dols). Сторонники данного подхода полагают, что все эмпирическое многообразие эмоциональных состояний создается комбинациями двух измерений: валентность и активация. Измерение валентности характеризует эмоциональные процессы в диапазоне от отрицательного полюса (максимального неудовольствия) до положительного (максимального удовольствия), а измерение активации — в диапазоне влияния на активность (от расслабления или дремоты до бурного возбуждения). Исследователи Б. Фелдман и П. Ниденталь (B. L. Feldman, P. M. Niedenthal) предлагали испытуемым просмотреть фильм, в котором на протяжении ста кадров экспрессия лица постепенно изменялась от нейтрального выражения до отчетливой эмоции (радости, печали или гнева), то есть увеличивалось количество информации о валентности эмоции. В результате проведенных ими исследований было обнаружено, что на восприятие эмоциональных форм оказывает сильное влияние *фокус валентности*. С одной стороны, его высокий показатель связан со способностью быстро идентифицировать лицевые признаки экспрессии гнева и печали. С другой — фокус валентности не влияет на быстрое обнаружение проявления радости. В определении самих авторов фокус валентности — это степень акцентирования на ощущении удовольствия/не-

удовольствия в своих вербальных самоотчетах о переживаемых эмоциях. Высокий показатель фокуса валентности характеризуется использованием эмоциональных терминов в первую очередь для выражения удовольствия/неудовольствия, в то время как низкий показатель сопряжен со стремлением человека сообщить другие аспекты переживания. [12, с. 116–117] Сторонники концепции минимальной универсальности рассматривают как универсальные только определенные компоненты экспрессии, например прищуренные глаза или сдвинутые брови. Эти признаки лицевого проявления становятся достаточным условием надежного распознавания эмоции, но только при наличии информации о социальном контексте. Таким образом, утверждается, что успешное декодирование возможно при условии ограниченного доминирования фактора ситуации и в редких случаях осуществляется на основе восприятия только мимического экспрессивного поведения [11, с. 354–355].

Еще одна интерпретация рассматривает социальную дифференциацию выражения эмоций на основе значительно более точного декодирования внутри социальных групп и культур (Н. А. Efenbein, N. Ambady, M. G. Beaupré). Решающим критерием для успешного восприятия экспрессивного поведения является социокультурная близость систем кодирования и декодирования [11, с. 355]. Очевидно, эта группа интернализованных правил декодирования основана на системе культурных знаний и знаков и предписывает установленный в культурном контексте интерпретатора способ восприятия и оценки эмоционального выражения других людей.

Управление эмоциями, процедуры их кодирования и декодирования — это своего рода культурная программа. Не только выражение эмоций и эмоциональное поведение отражают социальные структуры, но и работа по декодированию существенно зависит от социальной среды. Связывание контекстуальной составляющей и экспрессивного поведения является результатом социализации.

Таким образом, успешность кодирования и декодирования эмоционального поведения зависит от двух характеристик действующего субъекта и реципиента: от их эмоциональной компетентности и эмоционального интеллекта.

Для понимания отношения «кодирование — декодирование» необходимо учитывать, что люди различаются по способности воспринимать эмоциональные состояния. В начале 1990-х гг. благодаря П. Сэловею и Дж. Мэйеру появилось понятие «эмоциональный интеллект» (J. D. Mayer, P. Salovey), обозначающее способность выражать эмоции, интерпретировать предшествующие эмоциям и следующие за ними события, понимать свои и чужие эмоции и управлять ими. Эти же авторы разработали и программу по измерению коэффициента эмоциональности EQ. Если люди с высоким эмоциональным интеллектом используют эмоции, принимая решения, то эмоциональность людей с низким показателем нарушает контроль за поведением и приводит к необдуманным действиям. В объяснении способности к распознаванию эмоций исследователи отводят значительную роль когнитивным характеристикам (эмоциональным знаниям и навыкам, особенностям переработки информации). Так же часто, как и рациональность, эмоциональное поведение может быть основано на анализе информации. [13, с. 15]

Рассмотрев некоторые из основных социологических теорий, стремящихся к объяснению значения эмоционального фактора, можно выделить три вопроса, требующих своего дальнейшего развития и обсуждения. Как способность интерпретации (декодирования) эмоционального поведения, реализуемая в условиях социокультурного дифференцирования кодирования, отражается на значении эмоций в пространстве социальных интеракций? Какие неявные смыслы возникают из этого обстоятельства? Каково их значение для существующих моделей взаимодействия эмоционального человека и для поддержания социального порядка?

Список использованных источников

1. *Döveling, K.* Emotionen — Medien — Gemeinschaft. Eine kommunikationssoziologische Analyse / K. Döveling. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften; Auflage, 2005. — 340 s.
2. Demarmels, S. (2007). Rezension zu: Katrin Döveling (2005). Emotionen — Medien — Gemeinschaft. Eine kommunikationssoziologische Analyse [Electronic resource] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. — 8(3). — Art. 28. — Mode of access: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/295/650>. — Date of access: 01.03.2014.
3. *Ciampi, L.* Gefühle, Affekte, Affektlogik: Ihr Stellenwert in unserem Menschen- und Weltverständnis / L. Ciampi. — Wien : Picus, 2002. — 56 s.
4. *Ciampi, L.* Affektlogik. Über die Struktur der Psyche und ihre Entwicklung. Ein Beitrag zur Schizophrenieforschung / L. Ciampi. — Klett-Cotta, Stuttgart, 1998. — 423 s.
5. *Ciampi, L.* Affektlogik, affektive Kommunikation und Pädagogik Eine wissenschaftliche Neuorientierung [Electronic resource] / L. Ciampi. — Mode of access: <http://www.die-bonn.de/doks/ciampi0301.pdf>. — Date of access: 01.03.2014.
6. *Scheve, C. von.* Emotionen und soziale Strukturen — Die affektiven Grundlagen sozialer Ordnung / C. von Scheve. — Frankfurt/M. : Campus, 2009. — 389 s.
7. *Damasio, A.* Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain / A. Damasio. — London : Penguin Books, 2005. — 336 p.
8. *Flam, H.* Soziologie der Emotionen / H. Flam. — Konstanz : UVK / UTB 2002. — 318 s.
9. *Flam, H.* The Emotional Man and The Problem of Collective Action / H. Flam // International Sociology. — 2000. — № 5. — 39–56.
10. *Flam, H.* From Emotional «Man» with Love / H. Flam // Emotionen und Sozialtheorie / Rainer Schützeichel. — Frankfurt a.M. : Campus, 2006. — S. 195–222.
11. *Scheve, C. von.* Die emotionale Struktur sozialer Interaktion: Emotionsexpression und soziale Ordnungsbildung / C. von Scheve. // Zeitschrift für Soziologie. — Jg. 39. — Heft 5, Okt. 2010. — S. 346–362.

12. Овсянникова, В. В. Типы сензитивности наблюдателя при распознавании эмоций / В. В. Овсянникова // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. — М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — С. 114–124.
13. Робертс, Р. Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения, применения на практике / Р. Д. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Д. В. Люсин // Психология. Журн. высш. шк. экономики. — 2004. — Т. 1. — № 4. — С. 3–24.

08.09.2014

УДК 316.4/35

С. А. КУЛЕШ

АКТУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Оценка положения современной белорусской молодежи осуществляется с позиций сравнительного анализа ряда демографических характеристик, показателей здоровья, образования с показателями предыдущих лет.

The assessment of provision of modern Belarusian youth is carried out from the positions of the comparative analysis of a number demographic characteristics, indicators of health, education with data of previous years.

Современное общество характеризуется высокой степенью динамизма всех протекающих в нем процессов. Темпы изменений с каждым годом возрастают. При этом наиболее адаптированной к данным условиям социально-демографической группой можно с уверенностью назвать молодежь. Процесс взаимодействия этой группы с окружающим социумом носит субъект-субъектный характер. В ходе социализации молодые люди усваивают нормы, ценности, образцы поведения, распространенные в обществе. И в то же время общество корректирует свою деятельность, ориентируясь на молодое поколение. Можно констатировать, что подобная тенденция имеет место и в Беларуси. Неслучайно 2015 г. в стране назван Годом молодежи. В этой связи возникает необходимость анализа ключевых характеристик белорусской молодежи и наиболее актуальных проблем, с которыми она сталкивается.

В первую очередь интерес представляет демографическая характеристика рассматриваемой группы, выступающая следствием ряда не только молодежных, но и общесоциальных проблем.

По состоянию на 1 января 2014 г. количество молодежи в стране в возрасте от 14 лет до 31 года составило

2 185 205 чел., или 23,08 % от общей численности населения республики (рис. 1) [1, с. 61, 144, 162, 170].

Удельный вес трудоспособной молодежи в общей численности трудоспособного населения республики составляет 36 %.

Около 38 % от общей численности молодежи республики проживает в г. Минске и Минской области (831,2 тыс. чел.), меньше всего молодежи в Могилевской (10,9 %) и Гродненской (10,5 %) областях (рис. 2) [1, с. 64]. Значительное сосредоточение молодежи в г. Минске объясняется в первую очередь большой численностью населения в целом. Следующим фактором выступает количество размещенных учебных заведений различного профиля (ССУЗы и УВО). Кроме того, столица предоставляет больше возможностей для молодежи в организации своего досуга, перспектив профессиональной реализации и, соответственно, заработка.

Процентное соотношение мужчин и женщин в возрастной группе от 14 лет до 31 года составляет 51,2 к 48,8 %. Это отличается от подобного соотношения по населению в целом, где женщин больше, чем мужчин [1, с. 67].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в стране продолжается процесс

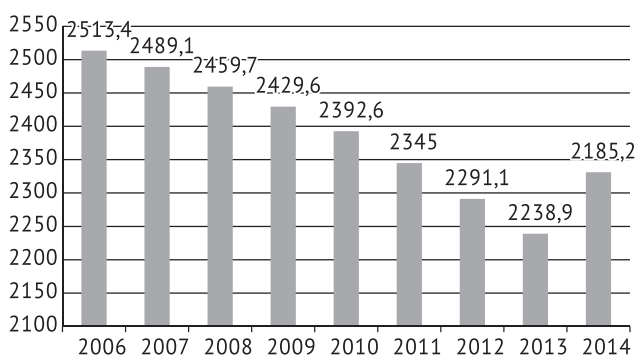

Рис. 1. Численность населения Республики Беларусь в возрасте от 14 лет до 31 года (на начало года; тыс. чел.)

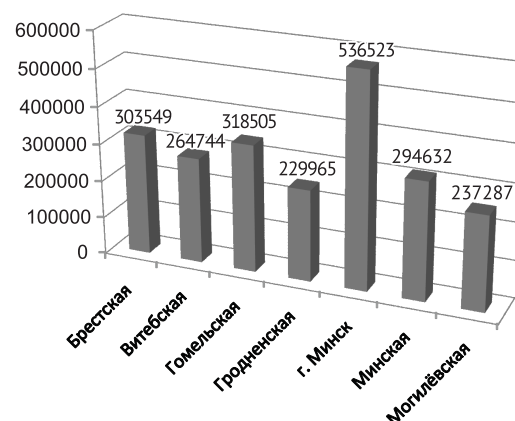

Рис. 2. Численность молодежи по регионам (на начало 2014 г.; чел.)